

**«ТРЕТИЙ ЭЛЛИНИЗМ»:
ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ФИЛОСОФИИ
НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ ИСТОРИЮ ЕВРОПЫ**

О. В. Охотников
(Екатеринбург)

«И, если философы позволяют себе абстрактно описывать жизнь мира, то они не должны жаловаться, если абстрактно рассматривать жизнь самой философии».

В. Джеймс

История философии – история не прошлого, история вечного (если у вечности вообще может быть история). Мысли Платона, например, или Парменида сегодня так же своевременны и актуальны как и во время их написания. Однако мышление беспокойно, и эта процессуальность может быть осмыслена только во времени. Значит, история интеллекта, написанная самим интеллектом, неизбежна.

Как и всякое знание, историческое знание всегда одновременно указывает и на факты, и на принципы построения этих фактов, то есть на концепцию, вопрос только в доле, т.е. в какой пропорции находятся эмпирический материал и умозрение. Если доминирует эмпирия – это одна методология, методология описания деревьев, за которыми и не стремятся увидеть леса. Если доминирует полет мысли, очень часто это приводит к насилию над фактами, к схематизированию и, таким образом, к упрощению.

Однако схема схеме рознь. Рассмотрим антиномию следующего содержания:

Тезис:

Антитезис:

Кто ясно мыслит – ясно излагает. Простота хуже воровства.

Очевидно, что разрешение этой псевдоантиномии заключается в том, что в тезисе под словом «ясно» совсем не обязательно мыслится то, о чем в антитезисе говорится как о «простоте». Ясность не всегда проста, но всегда структурирована, то есть ее костяк, ее критерий, ее основа – схема. Именно такая схема становится концепцией, при надлежащем эмпирическом обосновании. Настоящая работа – попытка такого схематизирования истории европейской философии.

Исходя из тезиса: *«интеллектуальное есть превращенная форма социального»*, история европейской философии может быть представлена как смена **классических** и **неклассических** эпох. **Классическая** эпоха в истории философии со стороны социального определяется тем, что в это время в обществе присутствует понятие **нормы**, то есть некоего инварианта социально-политической жизни, этического и религиозного инварианта, единства способа производства в экономической сфере. Сама по себе эта нормативность может и не осознаваться и не формулироваться, но тем не менее, именно она, в конечном итоге, объективно определяет способ философствования.

Со стороны субъективных творческих потенций человека **классическая** эпоха философствования определяется тем, что И. Витаньи, анализируя творчество вообще, обозначает как «конструктивно-инновативная творческая способность», то есть способность создавать радикально новое. Именно в классические эпохи философствования возникают универсальные, всеобъемлющие философские системы, определяющие дальнейший ход развития философской мысли. В это время оформляются силовые линии проблем и способов их разрешения, которые в дальнейшем будут определять предмет и стиль мышления философов неклассической эпохи.

С точки зрения формы проявления классической мысли эта философия принципиально, сознательно системна. Системосозидательство мыслителей классических эпох обуславливает содержание их философских построений и обуславливается этим содержанием.

С точки зрения содержания классической мысли можно сказать, что неосознаваемая (как таковая) нормативность, царящая в обществе, порождает в умах интеллектуалов представление о достижимости абсолютно истинного знания. Другими словами, мыслитель классической эпохи откликается на царящую нормативность самодавляющим представлением о нормативности и в сфере мысли. «Нормативности» не в смысле цензуры, а в смысле завершенности и упорядоченности интеллектуального пространства. Сама истина может пониматься как угодно (как регулятивный принцип, как цель, как идеал),

но представление о том, что она одна и достижима, всеобщее. Это и влечет за собой внутреннюю потребность в отыскании ее, следствием чего и становятся классические системы философии как результат мыслетворчества особо талантливых личностей. В классической философии, в силу универсальности систем, естественным образом сочетаются все разделы структурированного философского знания, однако основной акцент, основная тяжесть мысли все-таки переносится на метафизику.

Неклассическая эпоха философствования со стороны социального определяется размытием границ нормативности. Инвариантность социально-политической жизни, религиозных и этических постулатов психологически порождает состояние неуверенности, неосновательности. Это то состояние, которое М. Бубер описывает как состояние «бездомности» человека. В интеллектуальной сфере это приводит к отказу от представления о достижимости абсолютно истинного знания. Его (это представление) сменяет убежденность в относительности всякой претензии на истинность, что, в свою очередь, влечет за собой отказ от классического системосозидательства. Философы неклассических эпох оказываются в состоянии «интеллектуальной опустошенности». Внутренняя потребность в отыскании истины сменяется разочарованием и уверенностью в невозможности этого отыскания. Интеллектуальный голод и естественная убежденность в том, что «те, кто жил до нас, мудрее», гонит мыслителей этого времени к истокам, к философии классической. Это, в свою очередь, приводит к многообразию интерпретаций классических систем. Интерпретаторство уже созданного в классическую эпоху – одна из существенных черт неклассического способа философствования. Важная сторона самого интерпретаторства – «черновая» историко-философская работа: отбор материала, его упорядочение, установление авторства и подлинности текстов, «очищение» их от позднейших привнесений и т.д. Поэтому на передний план выходят проблемы языка, понимания и смыслообразования. Во всякую неклассическую эпоху философствования философия языка занимает важнейшее место: сам язык становится предметом философского анализа. Однако в силу отсутствия строгой концептуальности (о причинах чего сказано выше) историко-философское знание в неклассическую эпоху философствования существует как доксография.

С точки зрения содержания в философии этого периода нетрудно заметить сдвиг акцентов в классической структуре философского знания с области метафизики на этику. Во то время, когда главенствует плюрализм нравственности (что, как известно, само по себе безнравственно) и религиозных взглядов, когда вместо осознанного поведения и анализа своих поступков превалируют иррационалистические

доктрины всякого рода предсказателей и «странствующих психологов», мыслящий человек пытается найти почву под ногами в разумном обосновании своих поступков. Но этика – всегда следствие определенной онтологии. Поэтому мыслители неклассических эпох обращаются к уже наработанному в классическую эпоху философствования. Зачастую это приводит к **эклeктизму**, исходный тезис которого следующий: *все уже сказано, но зерна истины рассыпаны в многочисленных и разнообразных философских системах и их надо отыскивать*. Однако поиск ведется со своим субъективным представлением об истинности, что и определяет многообразие эклектических конструкций. С точки зрения творческих способностей мыслящего неклассическую эпоху философствования можно обозначить, говоря словами все того же И. Витаньи, как эпоху продуктивно-репродуктивной творческой способности, которая охарактеризована как воспроизводство из элементов и правил, которые не меняются (или меняются незначительно), неограниченного числа одних и тех же объективаций. В конечном итоге разочарование в результатах интеллектуального поиска приводит к тотальному **скептицизму**. Логика движения мысли в неклассическую эпоху философствования с необходимостью порождает скептицизм.

Здесь необходимо отметить, что скептицизм имманентен и классической эпохе философствования, однако функционально он играет другую роль, а именно: скептицизм классической философии объективно указывает на необходимость смены парадигмы, тем самым как бы расчищая место для возникновения новой традиции в рамках все той же классической философии. Скептицизм неклассической эпохи философии – результат интеллектуальной усталости, его основной тезис как бы дополняет исходный тезис эклектизма: *все уже сказано, но ничто не обладает истинностью, так как все опровержимо*. Скептицизм классической эпохи можно сравнить с болезнью роста, избавление от которой приводит к новому притоку сил и, в результате, к формированию зрелого организма. Скептицизм неклассической эпохи – болезнь старости, мудрость осени, избавления от которой нет. Поэтому некорректно сравнивать скептицизм софистов, с одной стороны, и скептицизм пирронистов, с другой. Или скептицизм Д. Юма и скептицизм М. Монтеня. Первые принадлежат классической эпохе философии, вторые – неклассической эпохе.

Общая характеристика классических и неклассических эпох философствования базируется на понимании того, что всякая философия формируется, живет и дышит в поле культуры – в то время, когда возможно и необходимо продуцирование принципиально новых форм во всех областях человеческой деятельности. Сам феномен философии, как и другие феномены духовной культуры, осуществляется как

таковой благодаря существованию социально-этических нормативов, которые, в свою очередь, есть следствие непосредственности, естественности отношения человек – природа. Однако в рамках культурной традиции эти инварианты могут либо превалировать и осознаваться, либо отходить на второй план и терять свою определенность. Это очень большая иллюзия, что отсутствие нормативов приводит к активнейшему продуцированию нового. Эта иллюзия возникает от понимания нормативности как сдерживающего фактора, как фактора ограничивающего интеллектуальный поиск. Наоборот, именно незримое присутствие инвариантности порождает уверенность в собственных силах, дает почву, точку опоры мысли и творческим потенциям. То есть нормативность, понятая в смысле необходимости, не только не является ограничением, но и сама есть основное условие творчества. Беспочвенность мышления, так же как беспочвенность вообще, заставляет тратить силы на обретение этой почвы, причем так, что это требует всех сил и ни на что другое, кроме тиражирования и трансляции уже созданного культурой, их не остается. Это состояние беспочвенности, ненормативности, когда между человеком и природой вырастает им же созданный посредник – искусность, технология, когда теряется свежесть удивления перед творениями природы и место его занимает ощущение подавленности своими же собственными творениями – это состояние общества и порождает неклассический тип философствования. Очень хорошо такую смену осознания и неосознания инвариантности в социально-историческом процессе иллюстрирует отношение к понятию «свобода» – фундаментальному понятию всякой метафизики и мучительному вопросу для всякого мыслящего человека.

В истории философии от мыслителя к мыслителю циркулируют две рационально аргументированные концепции свободы: *свобода как свобода выбора* и *свобода как осознанная необходимость*. Говоря о свободе как необходимом условии всякого творчества, следует помнить, что понимается под свободой в различные временные периоды, какая концепция превалирует и в этике и в творчестве. В эпохи классического философствования превалирует концепция свободы как осознанной необходимости. Эта формула Гегеля нагружается различными смыслами, если ее экстраполировать на предшествующие эпохи в зависимости от того, как понималась необходимость. Свобода как условие творчества в культуре – это всегда свобода в рамках предзаданной необходимости осознания ее. В периоды потери ощущения нормативности доминирует концепция свободы как свободы выбора, что само по себе уже предполагает психологическую неуверенность и сомнения в необходимости любого шага, что, в конечном итоге, приводит к отказу от поступков в этике и к умолчанию в метафизике.

Охарактеризовав таким образом классическую и неклассическую эпохи в истории философии, мы имеем возможность дать хронологическую периодизацию как смену этих типов философии.

Первая классическая эпоха философии – классическая философия античности (от Фалеса до Аристотеля включительно). Конечно, существуют сильные аргументы против того, чтобы ионийских мудрецов называть философами: скудность фрагментов их текстов, дошедших до нас, отсутствие философской рефлексии и само восприятие их современниками как мудрецов, а не как любителей мудрости. Однако все эти аргументы оборачиваемы против тех, кто их выдвигает: фрагментарность дошедших до нас текстов свидетельствует о невозможности реконструировать рефлексивный ход мысли, но не об его отсутствии. Возможно, компромисс в этом вопросе может быть достигнут на пути выделения *протофилософии* как особой, переходной стадии от мифологического сознания к собственно рефлексивному мышлению. Во всяком случае, никто из специалистов по древней философии не отрицает, что уже в поэме Парменида «О природе» философия уже оформилась как особый род деятельности, а к началу IV века до н. э. сложились классические системы философии, основные философские школы и представление о самой структуре философии как некой системы знания. Кроме того, в произведениях Аристотеля уже была проведена первая попытка концептуального осмысления истории философии.

Затем, после войн Александра Македонского, когда мощный поток варварских верований и представлений растворил в себе концентрированную каплю греческой культуры, когда границы полиса размываются и олимпийская идеология теряет авторитет не только в глазах философов, но и в обыденном сознании, начинается **первая неклассическая эпоха философствования – философия эпохи эллинизма**. Указать четкие временные границы этих эпох невозможно, так как предлагаемая схема всего лишь схема, реальная история гораздо богаче, однако процессы, описанные выше, неизбежно приводят к тому, что греческую культуру начинают тиражировать, с одной стороны, поклоняясь ей, с другой стороны, не находя оснований для формирования собственного интеллектуального поля, теряя уверенность. Это большой по времени исторический период, когда в интеллектуальной сфере наблюдается абсолютная растерянность.

С IV века н. э. можно констатировать оформление **второй классической эпохи философствования – классической философии Средневековья**. Появляется новый инвариант: к этому времени сформулирована религиозная доктрина христианства (в 325 г. н.э. выработан «символ веры»). IV век – век «отцов церкви», которые и задали философское поле средневековья как синтеза христианского

«Третий эллинизм»

мировоззрения и античной философии. Позднее классическая философия средневековья дала великолепные образцы умопостижения в вере, анализа понятий в схоластической философии и системности мышления.

Однако в XIV веке начинает ощущаться падение авторитета церкви и слишком большая отвлеченность философско-теологических построений докторов схоластики. **Эпоха Возрождения – вторая неклассическая эпоха философствования, то есть своего рода второй эллинизм.** Эстетизм и фрагментарность мысли, интерпретаторство и эклектизм, гуманистический идеал образованности вместо стремления к мудрости – характерные черты этого стиля мышления. Скептицизм М. Монтеня, с одной стороны, и эстетика текстов Пьетро Аретино, с другой стороны, ставят логическую точку в интеллектуальной игре гуманистов.

Еще в XVI веке отмечается небывалый всплеск интереса к исследованиям природы, эмпирические наблюдения и эксперименты становятся страстью, пока немногих, людей, и дают все больше и больше материала для размышлений. Потребность в теоретическом осмыслении возможностей и способностей становящегося естествознания все возрастает.

С начала XVII века можно констатировать формирование новой классической эпохи философствования. Такова **классическая философия Нового времени.** Формируется представление об истине как результате научных исследований и одновременно возникает эйфория от успехов естествознания до такой степени, что реальность природы подменяется реальностью науки с ее требованиями рациональности и доказательности. Системосозидательство этого периода – научное системосозидательство, во всяком случае, оно объявлялось таковым.

Последний классический философ Нового времени – Гегель. С его кончиной и разложением гегелевской школы философствования эйфория от научности постепенно начинает спадать. Все большую силу и влияние на умы начинают приобретать иррационалистические доктрины, происходит отказ от стремления к достижению абсолютно истинного знания. Так начинается **современная эпоха философствования, эпоха неклассическая, или «третий эллинизм».** В этом свете сегодняшняя ситуация, которая некоторыми исследователями описывается как «постмодернистский проект», здесь рассматривается как еще одна форма античного релятивизма, эклектизма и скептицизма.

О. В. Охотников

**The Third Hellenism: a view of a historian of philosophy of the
European intellectual history**

O. V. Okhotnikov

The article is an attempt to construct a general conception of the history of European philosophy. The author of the article states the idea that there appears to be some regularity in the European philosophic thought history, which expresses itself in the changing of classical and non classical epochs. The latter are defined as Hellenism. The article gives the description of the epochs and the history of European philosophy division into periods.